

Независимая газ. - 1993 - 7 мая - С. 7.

ПОЧЕМУ ОН НЕ ПОСТМОДЕРНИСТ?

Об «Ответном слове» Александра Солженицына на присуждении литературной награды Американского национального клуба искусств

Виктория Шохина

Другие берега

МОЛВА что волна. С нетерпением открывала я № 4 «Нового мира». Интересно все-таки — сам Солженицын про постмодернизм говорит. Тем более мне уже А. Генис пообещал своего рода литературный аналог работы «Как нам обустроить Россию». Вдобавок он довольно интеллигентно пересказал и перевел «Ответное слово» и внедрил в мое доверчивое сознание мысль о его значительности и о неизбежных критических баталиях вокруг него («Сегодня», 6.04.93).

Прочитав собственно «Ответное слово», я поняла, что Александр Исаевич не то что не любит — лютой ненавистью ненавидит постмодернизм и постмодернистов (хотя имен почему-то не называет). Об этом можно, конечно, было догадаться и раньше. Удивительно другое. Из далекого далека мстится вермонтскому затворнику, будто постмодернизм — идея, овладевшая массами и ставшая материальной силой. Будто по несколько урезанным просторам родины несчастной шландает Милицанер с Анной Андриановной в обнимку. И подсматривают за ними с хулиганским сладострастием «митьки» и «маньеристы». И «Сердца четырех» пульсируют в прозрачной колбе на потеху циничным лаборантам, справедливо прозванным в народе «игроками в бисер». И прет одиноко своей «тропой война» Кастанеда с мухомором под мышкой. И все, как заведенные, играют в мейл-арт под руководством не то Набокова, не то Курехина... «Бога — нет, истины — нет, в мироздании все хаотично, в мире все относительно, «мир как текст», который берется сочинить любой постмодернист...» — это из финала «Ответного слова». Идет «высмеивание и опрокид всех нравственных заповедей».

В общем, спасибо Славику Курицыну — его работа! Что ни статья, то постмодернизм да постмодернизм. Доигрался!

Что до обещанной культурной и эстетической программы Александра Исаевича, то с этим сложнее. Не считать же, в самом деле, программой такие вот фельетонные заходы: «натужная игра на пустотах», «бессодержательная погоня за новизной форм», «литературная пена», эстетизация «пря-

Александр Солженицын. Брянский фронт. 1943 г.

мого уродства». Или: «В оплевывании прошлого мнится движение вперед». Или того лучше: «ложно понятый «авангардизм», «лже-«авангард» — отрицание и кавычки это уже отрицание отрицания. Стало быть, утверждение?»

Но если все-таки это программа, то давно уже пройденная. «В моих глазах модернизм связан с самыми мрачными психологическими фактами нашего времени. К ним относятся: культ силы, радость уничтожения, любовь к жестокости, жажда бездумной жизни, слепого повиновения». Такой пассаж из статьи Мих. Лифшица «Почему я не модернист?» (1966) очень естественно встает в «Ответное слово». Честное слово, ничем не хуже, а, может, даже и лучше. Или Мих. Лифшиц — неузнанный гений, или тут еще какая-то загадка природы. Можно вспомнить о кампании вокруг «Выставки «выродившегося искусства» в Мюнхене (июль 1937 г.). Но не хочется.

Есть у Солженицына более ре-спектабельные предшественники. Хорошие ребята, только все с военно-казарменным сдвигом, тоталитарным то есть. Ну, допустим, Платон, который мечтал об изгнании из идеального государства поэтов — измыслителей лжи. Или один из идолов Великой французской революции Жан Жак Руссо, начавший свой путь к славе с заявления о том, что искусство портит нравы. О Чернышевском можно кстати вспомнить: он вообще историко-литературный двойник Солженицына. Или вот Макс Нордау приложил в своем «Врождении» (1892) и Золя, и Ибсена, и Вагнера, и даже графа-артиллериста Толстого.

Да и Толстой, в свою очередь, приложил кое-кого: «...Пушкин и Бетховен нравятся нам не потому, что в них есть абсолютная красота, но потому, что мы так же испорчены, как Пушкин и Бетховен, потому что Пушкин и Бетховен одинаково льстят нашей уродливой развращенности и нашей слабости». Вот тебе и уважение «ко всей предшествующей традиции»! Наверное, Толстому в «оплевывании прошлого» тоже виделось движение вперед. Или назад. В общем, какое-то движение видилось наверняка.

В такой ретроспективе вполне невинно выглядят те, кто «призывал уничтожить Расинов, Мурильо и Рафаэлей... классиков русской литературы начисто «выбросить за борт корабля современности». Их Солженицын почему-то называет «петроградской богемой» (в переводе А. Гениса деликатно поставлено слово «столичная»). Так вот, эта московская богема всего лишь подключилась к традиции — довольно экстравагантной, на мой вкус, но с глубокими корнями. И Александр Исаевич подключен к ней же, но с другого боку, так сказать. Любопытно, что у него есть еще кое-что общее с обруганными кубофутуристами, а именно — тяга к самовитому слову (может быть, превращенная форма воли к власти?). Их «трупарня» вместо «морга» или «всеучище» вместо «университета» вполне в духе любимого Солженицыным «лексического расширения». И вообще он сам в душе большой постмодернист. Ну кто еще способен вставить в публицистическое выступление каких-то загадочных *инопланетиян*, которые ловят из эфира нашу сегодняшнюю музыку и не могут догадаться, что были Бах, оплеванный Толстым Бетховен, Шуберт... Абсолютно постмодернистский образ и самый удачный в «Ответном слове». Хотя нет, есть, пожалуй, и получше: «Затмилась духовная ось мировой жизни» — что это как не типичная «постмодернистская растерянность перед миром»?

Выходит, Солженицын как бы сам с собой борется. Ну а теоретически постмодернизм для него — что-то такое антикультурное, антигуманное, против всего хорошего и настоящего. Какие уж там критические баталии! И «Ответное слово» — даже не реплика в литературном споре, так, факт состояния души... Американцы же — не наши плюралисты, им все интересно.

Эх, шла молва и была такова!